

Николай Дмитриевич Беляев (1941–1994) родился в д. Жлобино Аларского района Иркутской области. Окончил Иркутский государственный университет имени Жданова. Несколько лет занимал выборные должности: работал первым секретарем райкома комсомола и инструктором райкома партии.

Сергей Беляев вспоминает: «Характер у Николая был спокойный, уравновешенный. Он любил колхозников, лесорубов, рыбаков, писал о них с большой нежностью. Отношения его с людьми были открытыми, а шутки и улыбка обвораживали и располагали к нему. В сложных ситуациях бывал находчив и решителен».

Долгие годы дружбы соединяли Николая Беляева с его земляком Валентином Распутиным, о чём свидетельствуют его письма.

О Николае Беляеве я впервые услышал от Валентина Распутина в 2006 году. Мы сидели у Альберта Семёновича Гурулёва, отмечали день рождения, обсуждали минувшие в Усть-Уде Дни русской духовности и культуры «Сияние России». Валентин вспомнил, как в конце 60-х годов они с Александром Вампиловым «хорошо провели» дни в Усть-Уде.

Я брал с собой в Усть-Уду фотоаппарат, снимал посёлок, гостей праздника, и сказал ему:

— У меня фотографии есть того дома, в котором ты жил, когда учился в Усть-Уде, я тебе их найду.

— Хорошо. Там же отношения были удивительные! Родственников у меня там не было, просто знакомые. Вначале я несколько месяцев прожил в одном доме, потом у милиционера Толдонова. Фамилия, похоже, бурятская, но люди были русские. Тогда отношения были другие. Я жил у них, как у родни. Обедали — меня звали за стол. Подкармливали. Родственники рассчитывались картошкой, в основном, что ещё могли дать? Да и много ли картошки...

В Усть-Уде журналист Коля Беляев был, хороший человек, умер рано, дети у него остались, два сына. Один трагически погиб, второго я встретил на освящении Богоявленской церкви. Коля журналистом был хорошим...

* * *

Спустя несколько лет я познакомился с Сергеем Дмитриевичем Беляевым. Он попросил меня помочь издать книгу Александра Беляева, известного в нашей области журналиста. А в прошлом году сообщил, что сохранился усть-удинский

архив Николая, их старшего брата. Я начал просматривать рукописи, газетные публикации, фотографии. Родилась идея издать книгу его очерков, прозы и стихов.

В очерке «И были, и есть, и будем»¹ Сергей Дмитриевич Беляев вспоминает о своём старшем брате: «Николай родился 6 ноября 1941 года, мама растила его одна, пока отец был на фронте. В 1962 году Коля окончил Иркутское культпросветучилище по классу баяна, он хорошо играл на гармошке, а в училище освоил баян. После окончания его направили в Балаганский отдел культуры, работал хореографом, а потом и директором дворца культуры. Встретил Людмилу, они поженились, родились сыновья Олег и Евгений.

Коля в старших классах стал писать заметки в газеты о сельской жизни. Однажды он послал заметку в центральную газету «Сельская жизнь» о столетней старушке, которая в таком серьёзном возрасте может выпить рюмку-другую, поёт частушки и пляшет. Неожиданно на наш адрес приходит письмо с Украины от неизвестного кинооператора, который хочет приехать и снять фильм о сибирской долгожительнице. Он приехал, и две недели гуляли всей деревней, а он снимал на кинокамеру и долгожительницу, и жизнь деревни.

Заочно поступил в Иркутский госуниверситет, и в том же году его пригласили корреспондентом в усть-удинскую районную газету. Семья переехала из Балаганска в Усть-Уду, и Коля влюбился в этот чистый ухоженный посёлок, расположенный на холме, омываемый с трёх сторон Братским морем и граничащий с сосновым бором, переходящим в тайгу.

Характер у брата был спокойный, уравновешенный. Он любил колхозников, лесорубов, рыбаков, писал о них с большой нежностью. Отношения его с людьми были открытыми, а шутки и улыбка обвораживали и располагали к нему и мужчин, и особенно женщин. В сложных ситуациях бывал находчив и решителен.

В 1964 году, после окончания восьмилетней школы, они с женой Людой взяли меня к себе. Николай в то время сам был молодым человеком, но понимал, что отец, с тяжёлыми ранениями вернувшийся с войны, не мог поднимать многодетную семью, и взвалил на себя этот нелёгкий груз. Я учился в 9-м классе в Балаганске, а в 10-м классе в усть-удинской средней школе, так как Коля перешёл работать в редакцию. После окончания Бахтайской 8-летней школы у брата Николая и Людмилы обучались поочередно я, брат Саша, сестры Валя и Рая. А Люда вспоминает, что, когда ходила в школу на родительские собрания, была горда, когда «её детей» хвалили за прекрасное воспитание! Повзрослев, мы по-настоящему смогли оценить самоотверженность нашего старшего брата и особенно его жены. Мы все низко кланяемся ей и благодарим за её любовь и заботу.

Работая в газете, Николай познакомился с писателем Валентином Распутиным. Общность интересов сблизила их. Прилетая вечерним самолётом в Усть-Уду, Валентин часто останавливался у брата переночевать, они разговаривали, шутили, могли выпить рюмку-другую водки и повеселить душу баяном. Были они молоды, и разговоры порой продолжались до утра. Отец мне рассказывал, как он встретился с Распутиным у сына, в то время Валентин был уже известным писателем, за столом предложил поднять рюмку за здоровье отца. Но тот ответил, что не может, болеет. Постеснялся. «Ведь передо мной всемирно известный писатель, — вспоминал отец. — Они попросили меня истопить баньку. Пришли все в саже, но довольные!» С Валентином Распутиным Николая сблизжала, видимо, и общность литературных интересов, и схожесть взглядов на происходящее в стране.

¹А.Беляев. *Обвинены в крестьянстве. Книга творчества и судьбы.* Издательский центр «Сибирь». Иркутск, 2016 г.

Николай Беляев постоянно публиковался в областных газетах «Восточно-Сибирская правда», «Советская молодёжь», в патриотических газетах «Литературный Иркутск», «Земля», «Русский Восток», участвовал во Всесоюзных конкурсах. Газета «Сельская жизнь» в заметке «Конкурс завершён, конкурс продолжается» сообщает: «Редакционная коллегия газеты «Сельская жизнь» и президиум ЦК профсоюза работников агропромышленного комплекса подвели итоги литературного конкурса на лучший очерк, проведённого в 1986 году. В конкурсе приняли участие писатели, журналисты, рабселькоры, передовики производства.

Премии и дипломы лауреата присуждены И. Пономарёву за очерк «Щедрость», Н. Пуговице за очерк «Степь да степь кругом», В. Яковенко за очерк «Характер», О. Зейналову за очерк «Беспокойный Никитин», Н. Кускову за очерк «Возвращение песни», В. Янгазову за очерк «Крылатый хлебороб».

Премиями и дипломами отмечены также: Н. Беляев за очерк «За Ангарой у Красной пади»...»

Замечу, если из 600 претендентов выбрали восьмерых и среди них оказался Николай Беляев, это, на мой взгляд, высокая оценка.

Он был смелым человеком, а в девяностые годы, когда начался развал СССР, это было небезопасно, резко высказывался о появившихся на волне перестройки перевёртышах. В статье «О рабской психологии», опубликованной в газете «Земля», писал:

«В пылу амбиций бывшая номенклатура, спрятав мундир партийного, хозяйственного и прочего функционера под пёстрым сарафаном демократа, сшиблась в смертельном противостоянии с бывшими братьями по идее.

Если революция, то, разумеется, должны быть и жертвы. Кто же не видит, что жертвой, как всегда, оказался простой народ, который ещё вдобавок новые переустроители обвиняют в рабской психологии. Всем известно, «двух хозяев в доме не бывает», и «паны дерутся — у холопов чубы трещат». Что сейчас творится в нашей стране?

Народу и раньше идеи марксизма-ленинизма, как говорится, были «до фени». Ему не нужно было ради хитромудрых ходов или карьеры вступать в партию, публично возносить (опять-таки не бескорыстно) самый передовой строй и верных ленинцев. Люди открыто смеялись над очередными выдающимися заслугами очередных вождей и презирали всю эту свору лизоблюдов, работающих на систему и вождей».

В статье «Тайга и её богатства» он пишет о состоянии промыслово-охотничьего хозяйства в 1977 году. Устарели многие факты и цифры, но правдивость сказанного даёт нам возможность сравнить с сегодняшним днём и делать выводы о том, что произошло в минувшие годы.

Представленные в этой книге очерки об усть-удинских руководителях, народных умельцах, музыкантах — это живая, не музейная история, напоминающая о людях, создававших современный облик посёлка.

Газета живёт один день. И профессия журналиста направлена на злобу дня, на сиюминутность, на отражение постоянно меняющихся событий. Литература предполагает постоянное и вечное. Николай Беляев соединял в себе и то и другое, газетчик в нём погружался в текучку необходимости, писатель, отталкиваясь от дел насущных, шёл на призывный свет человеческой души, ищущей красоты и божественного идеала.

Если посмотреть на современную журналистику, она сосредоточивает своё внимание на катастрофических событиях в большей степени, чем на созидательных.

В архиве Николая Беляева остались многие рукописные и опубликованные очерки, статьи, фельетоны, повести, рассказы, стихи, зарисовки. Он был профессиональным журналистом, у него были и литературные планы, он пробовал свои силы во многих жанрах, но в этом выборе газетчик брал верх над писателем. В 60-е годы многие литераторы Сибири, если не сказать большинство, вышли из газет: Распутин, Вампилов, Гурулёв, Филиппов, другие. Но они оставили газету и сосредоточились на писательстве. Трагические события жизни, характер не позволили Николаю Беляеву оставить журналистику, он пытался совместить её с писательством, но это мало кому удавалось. Некоторые писательские публикации Николай подписывал псевдонимом Дмитрий Стародуб, не стал придумывать какое-то оригинальное имя, а взял имя отца как знак благодарной сыновней памяти.

На снимке: Н. Беляев и В. Распутин.

Неизвестно, когда Николай Беляев познакомился с Валентином Распутиным, вероятно, в конце 60-х — начале 70-х, в 1973 году они уже состояли в переписке. По воспоминаниям Сергея Дмитриевича Беляева, познакомились они в редакции усть-удинской газеты «Ангарская правда», где в то время работал Николай, и, вероятно, с тех пор он стал показывать Распутину свою прозу.

По письму 1975 года видно, что они в дружеских отношениях: «Привет Люде и ребятам. Всех Вас с Праздником! Счастливого и весёлого его — праздника! С дружеским приветом, В. Распутин».

Николая интересовало мнение Распутина о его прозе, они, конечно же, встречаясь, говорили о литературе, и в частности о рассказах Николая, он также посылал их Распутину по почте. Иногда Валентин Распутин отвечал ему письмами.

В архиве Николая Беляева сохранились два письма (1973 и 1975 года) от Валентина Распутина. Ясно по величине конвертов, в них возвращались рукописи, что подтверждает содержание писем. Один из конвертов самодельный, сделан из упаковки почтового набора, это видно по внутренней стороне с обозначением: «Почтовый набор. 12 конвертов и 12 листов для письма. Цена 20 коп. г. Пермь. Печатная фабрика Гознака. 1972». В те годы многие, используя подходящую бумагу, рисовальную или ватман, сами склеивали конверты, особенно нестандартных размеров: их не всегда можно было купить. Возможно, Валентин Григорьевич сам изготовил этот конверт.

В редакции газеты. Слева направо: И. Новопашин, Л. Князьков, Васильков, В. Распутин, Н. Беляев.

По письмам видно, с каким вниманием Распутин разбирает текст, подробно указывает на недостатки и удачные места и делает вывод: «Ты можешь писать». Видно, что Николай перечитывал письма, некоторые строчки подчёркнуты одной или двумя линиями, выделены абзацы, на полях и в тексте стоят восклицательные знаки (на что он обратил особое внимание).

Николай постоянно правил свои тексты: обнаруженные в архиве рукописные и машинописные экземпляры буквально испещрены пометками, зачёркиваниями, заменой слов и строк. Он очень серьёзно относился к занятиям литературой, есть несколько вариантов различных его рассказов. Я думаю, так отражалось влияние Валентина Распутина.

В письме от 22 ноября 1973 г. Валентин Распутин очень подробно анализирует рассказ:

«Как известно, мы можем предполагать что угодно, а располагает нами кто-то другой. Так и у меня нынче вышло: собирался до Нового года в дальние странствия, но в сентябре вдруг угораздило заболеть, затем попал в больницу, откуда только что выбрался. Поэтому рассказ Ваш долго лежал без движения и прочтения.

Прочёл я его внимательно — прочёл лишь сегодня. Дело не в ситуациях, в которые автор ставит своих героев, тут он волен выдумывать что угодно, а в том, как эти ситуации объяснить, сделать их правдоподобными и даже естественными. Мне в вашем рассказе событийная сторона как раз нравится, она кажется и необычной, и смелой, но эти необычность, смелость, а значит, и высота требуют очень плотной, цепкой и убедительной психологической работы, потому что иначе всё это повиснет в воздухе и останется голословным. В общем, так оно и случилось.

Для Вашей «жуткой» (ничего страшного в этом слове нет) истории рассказ мал, размеры районной, да и любой другой газеты её не устроят. Он не прописан, он, как мне представляется, только намечен, а эти характеры ещё писать да писать, толковать да толковать.

Вот что, предположим, может спросить автора читатель.

Почему Евдокия, только что с таким ожесточением набросившаяся на Демьяна (и ожесточение это как будто не ведало ни о каких смягчающих моментах), вдруг сомневается в его вине? Если сомнения существуют, они должны бы присутствовать всегда, тем более в этом разговоре.

Если Демьян взял на себя вину за смерть человека, то что заставило его это сделать? Действительно, что? У вас ведь ни слова о том, а это далеко не пустяк. Таким вещам на слово поверить нельзя — тут нужно писать или напрасное мученичество (легко сказать!) или самопожертвование во имя чего-то, а не просто подставить вместо одной фигуры другую.

Это главные вопросы, и без ответа на них в рассказе не обойтись, а есть ещё второстепенные: предположим, откуда взяли на стане ребяташки? Что осталось у Евдокии помимо стана? И т. д.

К тому же вторая часть рассказа сделана более торопливо, здесь есть и штампы, и не точные, не обязательные, случайные слова. Кое-что я подчеркивал, посмотрите.

Название тоже случайное, да и от лукавого оно. Что это — полуденный сезон? Я, по крайней мере, не представляю. То, что простительно иногда поэтам, прозаику выходит боком.

Таковы вот мои первые замечания. Надеюсь, Вы, Николай, не обидитесь за них на меня — сказал то, что думаю. Лукавить в таких вещах я не умею. А писать Вы, конечно, можете, только пишите проще — и без нас хватает умников, которые добывают сметану из птичьего молока».

Так внимательно, подробно и глубоко рассматривать рукопись в наши дни вряд ли кто способен.

* * *

В зиминской газете «Знамя труда» в 1962 году появилась подборка стихов Николая Беляева с предисловием известного радиожурналиста, любителя поэзии, автора книг о Е. Евтушенко Виталия Комина. Привожу его полностью:

«“Теперь я поэзию люблю всей душой и хочу познать её еще глубже”», — пишет нам в редакцию Николай Беляев из Балаганска. Ему двадцать один год, а стихи начал писать два года назад. По окончании средней школы он по путёвке Аларского райкома комсомола едет учиться в культурно-просветительское училище. Сейчас работа хореографа в балаганском Доме культуры увлекает его. Но не менее стала увлекать его и работа над поэтическими образами. В этом Николаю Беляеву помогает не только увлечение поэзией, но и художественной прозой.

Молодой поэт умеет найти запоминающийся образ, по-своему, ново рассказать об увиденном. Свободное владение формой — тоже заслуга поэта. И если он по-прежнему будет упорно работать, то мы сможем вскоре прочитать новые хорошие стихи Николая Беляева».

* * *

Разбирая архив Николая Беляева, переданный мне его братом Сергеем Дмитриевичем, я обнаружил двойную открытку от Распутина, вложенную в конверт (печати отправления и получения неразборчивы), — поздравление семье Беляевых с Новым годом. На конверте изображена Спасская башня Кремля и под ней: «С Новым годом!». На обложке открытки — колонок на кедровой ветке (художник А. Исаков). Рисунок не случайный, Валентин выбрал именно его.

«3 января 1986.

Дорогой Николай!

С Новым годом! Пусть он будет не хуже, а только лучше, чем прошедшие, для всей вашей семьи, и пусть в один из дней он поднесёт вам особенный дар — например, внука.

Мы, к счастью или несчастью, обречены на это же. Так хочется, поэтому со своими друзьями единым строем — в дедушки и бабушки.

Поздравления мои запоздали, но едва ли к последнему часу последнего дня старого года поспел с самолёта за праздничный стол. Был в Вене, где ходил в оперу, смотрел, как празднуют венцы Рождество, а под конец, на выезде, для полноты впечатлений попал в маленькую историю, разыгранную в аэропорту арабскими террористами со всем подходящим набором пиф-паф и ой-ой. Но это при встрече.

Всем поклоны, Ваш В. Распутин»

Валентин Григорьевич шутливо сообщает о террористах (а как ещё напишешь в Новогоднем поздравлении?), а событие, невольным свидетелем которого он стал, было весьма трагичным. В 2020 году, во время новейших терактов в Австрии, 1986 год вспоминали, но неохотно. Я нашел в Интернете следующие сведения.

«27 декабря 1985 года произошли два крупных террористических нападения. Семь арабских террористов напали с автоматами и гранатами на аэропорты в Риме и Вене. Девятнадцать мирных жителей были убиты и более сотни получили ранения, прежде чем четверо террористов были нейтрализованы сотрудниками службы безопасности Эль Аль и местной полицией, которые захватили остальных троих. В 08:15 по Гринвичу четверо арабских вооруженных людей подошли к общей билетной кассе израильских авиакомпаний El Al Airlines и Trans World Airlines в аэропорту Рим-Фьюмичино имени Леонардо да Винчи (Италия), открыли огонь из автоматов и бросили гранаты. Они убили 16 и ранили 99 пассажиров, в том числе американского дипломата Уэса Весселса. Трое нападавших были убиты службой безопасности Эль Аль, а Мохаммед Шарам был ранен и схвачен итальянской полицией. Среди погибших — генерал Донато Миранда Акоста, военный атташе Мексики, и его секретарь Дженовева Хайме Сиснерос.

Через несколько минут в аэропорту Швехат (Венский международный аэропорт) трое террористов совершили аналогичное нападение. Ручные гранаты были брошены в толпы пассажиров, стоявших в очереди на регистрацию на рейс в Тель-Авив, в результате чего сразу два человека погибли, третий скончался от осколков ручной гранаты, и ещё 39 были ранены. Австрийские полицейские открыли огонь по террористам. Их поддержали двое охранников Эль Аль. Во время боя было выпущено более 200 пуль. Террористы скрылись на машинах, а австрийская полиция и охранники Эль Аль бросились в погоню. Они убили одного террориста и захватили двоих.

В результате двух атак погибло 19 человек, в том числе ребёнок, и около 140 ранено. Некоторые сообщения утверждали, что боевики первоначально намеревались захватить самолеты Эль Аль в аэропортах и взорвать их над Тель-Авивом; другие пришли к выводу, что нападение на пассажиров было первоначальным планом, и что ещё готовился удар и по аэропорту Франкфурта. Жертвами стали граждане Соединенных Штатов, Италии, Австрии, Мексики, Греции, Алжира, Израиля».

Валентин Григорьевич кому-то, вероятно, рассказывал эту историю, но я ни разу не слышал от него даже упоминаний о том событии, и знакомые, которых я об этом спрашивал, тоже. Но недавно, когда я поведал эту историю писателю Андрею Антипину, он прислал мне копию письма В.Г. Распутина В.П. Астафьеву от 2 января 1986 года (опубликовано в книге «Просто письма». Москва. Молодая гвардия, 2018 г. Из архива А.Ф. Гремницкой). В письме он упоминает о теракте в Вене. Значит, он говорил и писал об этом не только Николаю Беляеву, просто за давностью времени уже мало кто может помнить.

«А уезжая, попали как раз в историю с террористами, когда те забросали гранатами регистрацию на израильский самолёт. Хорошо, что там и на регистрации не бывает больших очередей, а то бы они (арабы) наворочали там мяса, и без того трое убитых и человек семнадцать раненых. А мы в то время подъезжали к аэропорту — вдруг полиция, крики, и где-то вдалеке последние два-три выстрела».

* * *

Неизвестно, когда Распутин вылетел из Вены, возможно в тот же день. После

трагедии аэропорт наверняка был закрыт на какое-то время, вернее всего, он вылетел назавтра, а из Москвы — даже если у него были заранее заказаны билеты — дата и время вылета тоже могли измениться. Он пишет Николаю Беляеву: «Поздравления мои запоздали, но едва ли к последнему часу последнего дня старого года поспел с самолёта за праздничный стол». Скорее всего, он вылетел в Иркутск в ночь на 31 декабря, тогда был такой рейс, существует и сейчас.

Ещё одно письмо датировано 30 октября 1984.

«Дорогой Николай! Спасибо за праздничные поздравления и пожелания, и прими в свою очередь то же самое и от меня. Пусть будет, как говорится, вовне веселье и радость, а внутри покой. Жаль, что ты не написал, как вы съездили в дружественную страну, что видели и что слышали, и какие остались впечатления от наших и ихних. Я уж грешным делом подумал, не обиделись ли вы, что я перед вашим отъездом не нашёл времени, чтобы повидаться. Но я тогда действительно замотался со своей стройкой до того, что белого света не видел, ведь ничего ни купить, ни достать, большинство больших и малых начальничков и совсем никаких не начальничков отличается тем, что разучились держать слово. Так с высунутым языком и бегал с одного места на другое, пока не пришла пора ехать на Алтай, где через несколько дней я, наконец, стал различать, где небо и где земля, что важно и вечно, а что суета сует. Ездили со Светланой и Марией, побывали на шукшинских чтениях. Свезили нас на знаменитое Телецкое озеро, попарились там в баньке перед ухой и в конце десять дней пожили в своё удовольствие на курорте в Белокурихе, где я отмачивал свои болячки и приглядывался к местным достопримечательностям.

После этого ездил к Астафьеву в Красноярск на 60-летие, потом в Москву на праздничный пленум в честь 50-летия нашего Союза, а теперь пристыл дома, и то потому, что прихватили врачи и заставили лечиться. Собирался в Братск к матери (она с сентября там, у сестры), и то не пушают до середины ноября. Отыскали мне знаменитого китайца, и он на моём пузе через день иголками расписывает все тысячи китайских иероглифов.

Дома у нас всё хорошо, все, кроме меня, заняты делом. Чем занимается Олег? Как после Болгарии Усть-Уда? Что нового? Как Люда? И Женя?

Зимой надеюсь побывать в Аталанке, и тогда, быть может, увидимся.

Кланяюсь, В. Распутин».

* * *

В архиве Н. Беляева я обнаружил повесть «Живи и помни», изданную в «Роман газете» № 7 (845) 1978 г. с автографом Валентина Распутина: «Люде и Николаю Беляевым с чувствами почти родственными В. Распутин, май 1978». Ещё один автограф на книге Валентина Распутина «Уроки французского». Москва, «Советская Россия», 1981 г.:

«Жене Беляеву от дяди Вали
с надеждой, что Женя Беляев
по-прежнему будет хорошо учиться,
останется для мамы с папой мальчиком послушным
и вообще будет хорошим парнем.

В. Распутин».

Сохранилось приглашение на творческий вечер Валентина Григорьевича — большая открытка-раскладушка. На лицевой стороне вид зимнего Байкала. Справа: «Уважаемый товарищ! Приглашаем Вас на творческий вечер Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР писателя Валентина Григорьевича Распутина. Вечер состоится 30 мая 1987 года в театре музыкальной комедии. Начало в 17.00. Иркутский горисполком, бюро Иркутской писательской организации».

Слева шариковой ручкой: «Ваш ряд 4, место 3». Справа в самом верху тем же почерком: «Беляев Н.Д.». Был ли Николай на этом вечере, неизвестно.

Две фотографии в архиве связаны с военными сборами, они публиковались в различных изданиях: Валентин Распутин с Ростиславом Филипповым и одиночный портрет: Распутин в полевой форме, в погонах старшего лейтенанта. Июнь 1979 года.

Обнаружено четыре не публиковавшихся фотографии Распутина. Первая фотография, с знакомым сюжетом, но другим ракурсом: Распутин, Евтушенко и его жена Джоан на набережной Ангары в Иркутске. Вторая — Распутин в группе писателей во время Дней литературы в Праге. Крайний справа Роберт Рождественский. Третья — встреча с читателями в библиотеке. Лейпциг. Четвёртая — Распутин с неизвестной на фоне стеллажей библиотеки, предположительно в Вене.

Две фотографии запечатлели сцены из спектакля по произведению Распутина (по какому, установить не удалось). Есть также портрет мужчины, на обороте стоит штамп фотографа: Heinz Kruger BILDREPORTER Берлин. Кто изображён неизвестно, но явно, что В.Г. его знал.

В следующем ниже письме 1975 г. нет даты написания. На конверте штампы иркутского почтамта — 2.11.75, усть-удинского узла связи — 4.11.75. Интересно, что ранее, на конверте 1973 года указан обратный адрес: Иркутск, 5-й Армии, 36, т.е. адрес Иркутской писательской организации. На конверте 1975 года — домашний адрес Распутина, он тогда жил на бульваре Гагарина, 42, кв. 23. В 80-е годы Распутин переводит почту на абонентский ящик: почтамт, а/я 3209 — видимо, для большей сохранности корреспонденции. О сближении их отношений говорит и обращение в приветствии на «ты».

1975 г.

«Николай, здравствуй!

В последнее время, после месячного сидения в Аталанке, столько навалило всякой срочной работы и переписки, что лишь теперь собрался я тебе ответить.

Рассказ я прочёл внимательно, и ясно, что теперь он лучше, чем был; психологически он выверен, и ударения в нём расставлены точно. Сейчас в нём нет прямого и грубоватого завершения, есть некая плавная и подкупающая незавершённость — это мне нравится. Но язык, язык! Тот первый человек, употребивший или, лучше сказать, заменивший огонь какими-то «рыжими зверьками», едва ли обладал хорошим вкусом, но почему-то «зверьки» бегают и бегают по страницам всевозможных изданий, не удержался от них и ты. Главная беда рассказа, как он есть сейчас, — какая-то ненужная и чрезмерная витиеватость, красивость и пере-

груженность языка разными финтифлюшками там, где нужно говорить просто и ясно. Я делал там подчёркивания, ты их увидишь и поймёшь, о чём я говорю. Для всякого чувства, для всякой картины нужны только простые слова в соединении с простыми же словами, а ты, стараясь уйти от шаблона просторечного, приходишь к шаблону искусственному, а это гораздо хуже, поскольку он уже близок к фальши.

Посмотри ещё раз рассказ, Николай. Хочется, чтобы он был, но не хочется поучать, как это делать, — да и не мне поучать. Но если когда-нибудь тебе захочется, попробуй полностью переписать рассказ, не заглядывая в этот текст. Мне кажется, это пойдёт ему на пользу.

Думаю, что после Нового года мы увидимся и тогда сможем поговорить подробней. Я в январе, если планы мои не изменит что-то срочное, собираюсь опять в Аталанку.

Слышал, что ты хотел уехать куда-то в северную газету. Правда ли это?

Привет Люде и ребятам. Всех Вас с Праздником! Счастливого и весёлого его — праздника!

С дружеским приветом, В. Распутин.

P.S. На критику и откровенность мою, пожалуйста, не обижайся. Занимаясь нашим делом, надо иметь доброту и мужество. Чувствую я, что скоро эти качества понадобятся и мне.

В.Г.»

* * *

Основная тема писем — рассказы Николая Беляева. Валентин Распутин серьёзно и требовательно размышляет о недостатках, и в то же время осторожно, не навязывая своего: «если когда-нибудь тебе захочется, попробуй полностью переписать рассказ, не заглядывая в этот текст. Мне кажется, это пойдёт ему на пользу».

В письме нет ни одного хвалебного слова, но заканчивается так, как будто это не поучения учителя, а разговор на равных:

«На критику и откровенность мою, пожалуйста, не обижайся. Занимаясь нашим делом, надо иметь доброту и мужество. Чувствую я, что скоро эти качества понадобятся и мне».

* * *

Сергей Дмитриевич Беляев вспоминает:

«Николай был простым, весёлым, изобретательным человеком, писал о трудовых буднях и социальной жизни посёлка, района. Он видел много недостатков в работе отдельных структур власти, бесхозяйственности и расхитительства, и безжалостного отношения к природе. Будучи первым секретарём райкома ВЛКСМ, он резко выступал на бюро райкома партии, говорил о нерадивых руководителях, а также приспособленцах в партии и власти. Его критические заметки в районных и областных газетах не могли нравиться первым лицам района. Он освещал правдивые факты, поэтому приходилось считаться с его мнением, но это портило общую картину благополучия работы партийных и советских органов. Он многие годы работал заместителем редактора районной газеты, около двух лет первым се-

кретарём РК ВЛКСМ и последние годы — секретарём РК КПСС. Во времена перестройки он писал в газеты о беспощадном хаосе, уничтожении и хищении леса и причастности к этому первых лиц района. В одной из критических статей он писал: «...И не с неба же упали в ограду первого секретаря РК КПСС новенькая «Волга», а председателя райисполкома — новенький «уазик». Они хотели привлечь брата за клевету, судились более двух лет, но у них не получилось».

В 1985 году пришла злополучная «перестройка», т. е. «глобализация и новый мировой порядок». Заволновалось сердце брата, как и большинства советских людей. Он отстаивает через газеты, на совещаниях и личных встречах с «первыми» и демократами идеалы социализма. Ему стали угрожать. После упомянутой статьи о нечистоплотности первых лиц района на него было совершено нападение. Вскоре произошло убийство его сына Олега. Он был убит в 1992 году ножом в сердце на летней кухне дома спящим. Коля ушёл из жизни в пятьдесят четыре года, в расцвете сил, не вынесло сердце. На похоронах было многолюдно, журналисты и редакторы районных и областных газет, прощаясь, говорили о его честности, справедливости и неутомимом характере.

На встрече выпускников 1966 года учитель математики Нина Петровна Рютина с нежностью и любовью вспоминала о Коле. В свои 80 лет она поёт в ансамбле «Серебряная нить» под руководством друга Коли по университету А.Д. Алымова. «Распевки, — сказала она, — всегда начинаются с написанной Николаем песни «В шуме летних ливней...»

*В шуме летних ливней, в шелесте позёмок
Слышу твоё имя и шепчу в ответ:
«Изо всех в России, тихий мой посёлок,
Нет тебя красивей и милее нет».*

*Может, место краше есть на свете где-то,
Это край мой отчий, и не зря сюда
Журавли на крыльях нам приносят лето
И курлычут в небе: «Здравствуй, Усть-Уда!»*

*Кто-то на Чукотке или знойном юге,
Ни с чего, как будто, вызвав в сердце грусть,
Вспомнит наш посёлок в тополиной вьюге
И вздохнёт в раздумье: «Я к тебе вернусь».*

Книгой «По ту сторону моря» Николай Беляев возвращается в свой родной посёлок, не так, как возвращался из дальних и ближних странствий при жизни, но возвращается в мыслях и памяти о людях, с которыми жил, в рассказах о тех тропинках, которыми любил бродить, с любовью к этому удивительному уголку земли и к людям, жившим и живущим на этой земле, где его всегда помнили и помнят».

Письма Валентина Распутина

1

3 января 1986.

Дорогой Николай!

С Новым годом! Пусть он будет не хуже, а только лучше, чем прошедшие, для всей вашей семьи, и пусть в один из дней он поднесёт вам особенный дар — например внука.

Мы, к счастью или несчастью, обречены на это же. Так хочется, поэтому со своими друзьями — единым строем в дедушки и бабушки.

Поздравления мои запоздали, но едва ли к последнему часу последнего дня старого года поспел с самолёта за праздничный стол. Был в Вене, где ходил в оперу, смотрел, как празднуют венцы Рождество, а под конец, на выезде, для полноты впечатлений попал в маленькую историю, разыгранную в аэропорту арабскими террористами со всем подходящим набором пиф-паф и ой-ой. Но это при встрече.

Всем поклоны, Ваш В. Распутин.

2

30 октября 1984.

Дорогой Николай! Спасибо за праздничные поздравления и пожелания, и прими в свою очередь то же самое и от меня. Пусть будет, как говорится, вовне веселье и радость, а внутри покой. Жаль, что ты не написал, как вы съездили в дружественную страну, что видели и что слышали, и какие остались впечатления от наших и ихних. Я уж грешным делом подумал, не обиделись ли вы, что я перед вашим отъездом не нашёл времени, чтобы повидаться. Но я тогда действительно замотался со своей стройкой до того, что белого света не видел, ведь ничего ни купить, ни достать, большинство больших и малых начальничков и совсем никаких не начальничков отличается тем, что разучились держать слово. Так с высунутым языком и бегал с одного места на другое, пока не пришла пора ехать на Алтай, где через несколько дней я, наконец, стал различать, где небо и где земля, что важно и вечно, а что суета сует. Ездили со Светланой и Марией, побывали на шукшинских чтениях. Свезили нас на знаменитое Телецкое озеро, попарились там в баньке перед ухой и в конце десять дней пожили в своё удовольствие на курорте в Белокурихе, где я отмачивал свои болячки и приглядывался к местным достопримечательностям.

После этого ездил к Астафьеву в Красноярск на 60-летие, потом в Москву на праздничный пленум в честь 50-летия нашего Союза, а теперь пристыл дома, и то потому, что прихватили врачи и заставили лечиться. Собирался в Братск к матери (она с сентября там, у сестры), и то не пушают до середины ноября. Отыскали мне знаменитого китайца, и он на моём пузе через день иголками расписывает все тысячи китайских иероглифов.

Дома у нас всё хорошо, все, кроме меня, заняты делом. Чем занимается Олег? Как после Болгарии Усть-Уда? Что нового? Как Люда? И Женя?

Зимой надеюсь побывать в Аталанке, и тогда, быть может, увидимся.

Кланяюсь, В. Распутин.

22 ноября 1973 г.

Добрый день, Николай!

Как известно, мы можем предполагать что угодно, а располагает нами кто-то другой. Так и у меня нынче вышло: собирался до Нового года в дальние странствия, но в сентябре вдруг угораздило заболеть, затем попал в больницу, откуда только что выбрался. Поэтому рассказ Ваш долго лежал без движения и прочтения.

Прочёл я его внимательно — прочёл лишь сегодня. Дело не в ситуациях, в которые автор ставит своих героев, тут он волен выдумывать что угодно, а в том, как эти ситуации объяснить, сделать их правдоподобными и даже естественными. Мне в вашем рассказе событийная сторона как раз нравится, она кажется и необычной, и смелой, но эти необычность, смелость, а значит, и высота требуют очень плотной, цепкой и убедительной психологической работы, потому что иначе всё это повиснет в воздухе и останется голословным. В общем, так оно и случилось.

Для Вашей «жуткой» (ничего страшного в этом слове нет) истории рассказ мал, размеры районной, да и любой другой газеты её не устроят. Он не прописан, он, как мне представляется, только намечен, а эти характеры ещё писать да писать, толковать да толковать.

Вот что, предположим, может спросить автора читатель.

Почему Евдокия, только что с таким ожесточением набросившаяся на Демьяна (и ожесточение это как будто не ведало ни о каких смягчающих моментах), вдруг сомневается в его вине? Если сомнения существуют, они должны бы присутствовать всегда, тем более в этом разговоре.

Если Демьян взял на себя вину за смерть человека, то что заставило его это сделать? Действительно, что? У вас ведь ни слова о том, а это далеко не пустяк. Таким вещам на слово поверить нельзя — тут нужно писать или напрасное мученичество (легко сказать!) или самопожертвование во имя чего-то, а не просто подставить вместо одной фигуры другую.

Это главные вопросы, и без ответа на них в рассказе не обойтись, а есть ещё второстепенные: предположим, откуда взялись на стане ребятишки? Что осталось у Евдокии помимо стана? И т. д.

К тому же вторая часть рассказа сделана более торопливо, здесь есть и штампы, и не точные, не обязательные, случайные слова. Кое-что я подчеркивал, посмотрите.

Название тоже случайное, да и от лукавого оно. Что это — полуденный сезон? Я, по крайней мере, не представляю. То, что прощительно иногда поэтам, прозаику выходит боком.

Таковы вот мои первые замечания. Надеюсь, Вы, Николай, не обидитесь за них на меня — сказал то, что думаю. Лукавить в таких вещах я не умею. А писать Вы, конечно, можете, только пишите проще — и без нас хватает умников, которые добывают сметану из птичьего молока.

Теперь о нашей договоренности относительно моего приезда в Усть-Уду. До Нового года из-за болезни, от которой я ещё оправился не совсем, я двигаться никуда не смогу. Хорошо бы, если это устроит Вас, назначить встречу сразу на начало января, потому что затем я опять собираюсь уехать.

И черкните, пожалуйста, мне, как решите.

Всего Вам доброго, Николай.

22.XI — 73 г.

В. Распутин.

Николай, здравствуй!

В последнее время, после месячного сидения в Аталанке, столько навалило всякой срочной работы и переписки, что лишь теперь собрался я тебе ответить.

Рассказ я прочёл внимательно, и ясно, что теперь он лучше, чем был; психологически он выверен, и ударения в нём расставлены точно. Сейчас в нём нет прямого и грубоватого завершения, есть некая плавная и подкупающая незавершённость — это мне нравится. Но язык, язык! Тот первый человек, употребивший или, лучше сказать, заменивший огонь какими-то «рыжими зверьками», едва ли обладал хорошим вкусом, но почему-то «зверьки» бегают и бегают по страницам всевозможных изданий, не удержался от них и ты. Главная беда рассказа, как он есть сейчас, — какая-то ненужная и чрезмерная витиеватость, красивость и перегруженность языка разными финтифлюшками там, где нужно говорить просто и ясно. Я делал там подчёркивания, ты их увидишь и поймёшь, о чём я говорю. Для всякого чувства, для всякой картины нужны только простые слова в соединении с простыми же словами, а ты, стараясь уйти от шаблона просторечного, приходишь к шаблону искусственному, а это гораздо хуже, поскольку он уже близок к фальши.

Посмотри ещё раз рассказ, Николай. Хочется, чтобы он был, но не хочется поучать, как это делать, — да и не мне поучать. Но если когда-нибудь тебе захочется, попробуй полностью переписать рассказ, не заглядывая в этот текст. Мне кажется, это пойдёт ему на пользу.

Думаю, что после Нового года мы увидимся и тогда сможем поговорить подробней. Я в январе, если планы мои не изменит что-то срочное, собираюсь опять в Аталанку.

Слышал, что ты хотел уехать куда-то в северную газету. Правда ли это?

Привет Люде и ребятам. Всех вас с Праздником! Счастливого и весёлого его — праздника!

С дружеским приветом, В. Распутин.

P.S. На критику и откровенность мою, пожалуйста, не обижайся. Занимаясь нашим делом, надо иметь доброту и мужество. Чувствую я, что скоро эти качества понадобятся и мне.

В.Г.

27.12.86, Москва

Дорогие Люда и Николай!

Олег и Женя!

С Новым годом вас, с новым отсчётом и новыми надеждами! Для того чтобы всё у Вас было хорошо, примите и мою мольбу. Надеюсь на встречу, в феврале собираюсь в ваши края.

Обнимаю, В.Распутин

31.12.90, Москва

Дорогие Люда и Николай!

Поздравляю вас с наступившим Новым годом и с Рождеством! Надеюсь, что

больше болезней и страданий у вас не будет, а маленькие в нашем возрасте и в наше время — это в порядке вещей. Пусть и второе и третье ваши поколения также минуют все беды.

Я вот уже два месяца безвылазно нахожусь в Москве, и ещё январь, вероятно, придётся здесь же провести. Правда, с дочерью и женой. Жена училась на ФПК и теперь возвращается в Иркутск, а дочь у нас учится в консерватории, и после сессии тоже на каникулы домой. А потом и я, хотя сейчас загадывать наперёд дальше двух дней трудно.

Вообще грядут тяжелые времена, и я завидую тем, кто, как и вы, имеет возможность где-нибудь в провинциальном затишье полагаться на себя и свои силы (а также на своё подворье).

Примите, как прежде выражались, мою дружбу.

В. Распутин

7

Февраль 1982

Дорогие Людмила, Николай и Женя с Олегом!

По разгильдяйству своему (и занятости тоже, но это уже после разгильдяйства) я до сих пор не удосуживался ответить. За что и приношу свои извинения.

После Аталанки, прожив дома три дня, мы с Владимиром Крупиным, которого я ждал в Аталанку, уехали на Байкал и пробыли там месяц, и Крупин, знающий толк в мёде, не мог нахвалиться на ваш мёд; домашние мои тоже принялись за него с удовольствием особенным, но как ни стараемся, едим его и по сию пору — так велика была посуда. Едим и вас вспоминаем. Спасибо за всё, а за мёд в особенности, я так, грешный, такого и не пробовал, кажется, раньше. Да и все, кого угощали, в голос говорят: домашний, не порченый.

Я только что вернулся теперь уже из Москвы. Ездил на премьеру фильма «Прощание» (по «Матёре»), да и по другим делам, сдал наконец книжку рассказов в «Молодую гвардию», казалось бы, можно отдохнуть, но настолько везде всем задолжал, что не знаю, за что в первую очередь хвататься. А тут праздники на носу, полевые работы, а в июне, в самом начале, предстоит долгая поездка в ФРГ.

Вот такие мои пироги, как ныне говорят. Как вы? Собираете, наверное, Олега в Армию?

Всего вам хорошего!

С приветом,

В. Распутин.

8

Дорогие Люда, Женя и Николай!

С Новым годом вас, с новыми надеждами и некоторыми свершениями! Но поперёд всего — будьте здоровы. Если к этому ещё окаянные политики дадут пожить спокойно — оно и ладно. Всё остальное как-нибудь.

И ещё одно маленькое пожелание: бывая в Иркутске, не забывайте о нас.

Обнимаю.

25 декабря 1983, В. Распутин.

По штемпелю на конверте открытка отправлена из Иркутска 27.12.83 г.